

США. Театр
Бродвей

Что и говорить, Нью-Йорк — место замечательное, особенно для тех, кто впервые туда попадает. Есть от чего прийти в изумление. Но, конечно, если вы человек театральный, то ваше место — на Бродвее.

В общем-то, определить их местонахождение можно только по броским рекламным плакатам и светящимся щитам, парящим над Бродвеем, на которых в обязательном порядке цитируется какая-либо хвалебная фраза известного нью-йоркского критика. Хотя каждый театр имеет свое название: "Шуберт-театр", "Беласко-театр", "Гершвин-театр..." Но это больше для порядка, потому что главное — не имя, не внешняя оболочка или интерьер фойе, а то, что происходит на сцене.

труппы как таковой. Есть творческая группа, которая нанимает помещение. Но, право, стоит рассмотреть и плюсы.

прокат спектакля. В нашем репертуарном театре – иная ситуация. Каждый день дают новый спектакль, а то – и по два в день. Какой нужен штат монтажников, каков износ конструкций и какие установлены жесткие ограничения для фантазии художника! Наши "коммерческие" спектакли попадают в ту же ситуацию. Практика долгосрочной аренды площадки на один спектакль у нас отсутствует. Антрепризы за небольшие деньги арендуют сцены репертуарных театров на два-три дня, а потом – будьте добры, освободите помещение. Неудивительно, что лучше всего в прошлом сезоне прижилась у нас идеальная модель "коммерческой декорации" – надувное дуспальное ложе, которое кочевало из одной постановки драматургического "шедевра" "Нина" – в другую. Режиссеры были разные, художники – тоже, а

Есть у бродвейской системы и другие преимущества — сцену обслуживают в среднем не более пяти человек. Но квалификация их, как правило, очень высока, а трудовая дисциплина — тем более. Представить себе нетрезвого монтажника, отвещающего за сложнейшую декорацию, скажем, "Титаника", — все равно, что допустить на сцене катастрофу, подобную той, что случилась со злополучным лайнером. Стоит ли добавлять, что рабочие сцены в бродвейских театрах имеют такое жалование, которое удерживает их от опрометчивых поступков.

ник Анны Франк», или «Вид с моста» А.Миллера. Среди новейших постановок, куда по-трудно достать билеты, — «Король-лев», поражающий чудесами сценической техники; «Джекки: американская жизнь» — о звездной судьбе Жаклин Кеннеди-Онассис. В общем, следуя за набившей оскомину отечественной рекламой, можно смело утверждать: «Здесь каждый найдет то, что ему по вкусу».

Нельзя сказать, что в бродвейских театрах — сплошные аншлаги, они наблюдаются в основном в премьерные месяцы, да и то не везде. Но заполнение зала процентов на 80 — вещь обычная. Билеты (15 — 75 долларов) можно купить прямо в театре, но это удел лишь слу-

Зрители же, впрочем, мало чем отличались от привычных российских театралов — в основном тот же "средний класс", студенты, туристы. Разве что представителей мужской половины рода человеческого неизмеримо больше. Дам в бриллиантах и роскошных вечерних туалетах и кавалеров в смокингах как-то не наблюдалось. Да и смысла в подобных нарядах, кажется, нет — демократичный

родвей не начинается с вешалки, пальто и куртки принято держать на коленях или, если повезет, складывать на соседнее свободное кресло. Ловкая коммерческая обработка зрителя начинается еще на подходах к залу. Едва взбежишь по нарядной лестнице, как натыкаешься на прилавок. Но не ищите на нем умных книг по искусству или парфюмерии. Вам предложат ассортимент скудный, зато точно бьющий в цель – майку, бейсболку, кружку и прочую дребедень, но обязательно с рекламой идущего в этом театре спектакля. Можете, конечно, не покупать, но вас здесь все равно уже "купили". Программки между тем раздают бесплатно, дабы все знали, who is who.

Как известно, в Америке ныне "титаникомания", постепенно распространяющаяся на весь остальной цивилизованный мир. Отель "Эдисон" в самом пекле Бродвея, где нам довелось жить, оказался затерт между двумя огромными рекламными щитами с гордой над-

писью "Титаник". С одной стороны большим экраном шел нашумевший фильм Д.Камерона, с другой, в театре "Lunt-Fontanne", — новый мюзикл с аналогичным названием. Плакат восторженно сообщал: "Титаник" в постановке Р.Джонса в

денны у подножия

1997 году завоевал сразу пять престижных премий "Тони" – за лучшую музыку (М.Истон, также и автор стихов); сценарий и книгу, по которой он был сделан (то и другое принадлежит перу Р.Стоуна); декорации (С.Лэйн) и оркестровку (Д.Тьюник). Впрочем, стоит отметить и не ставшую лауреатом хореографа Л.Тэйлор-Корбетт, которая тоже потрудилась на славу.

Известный российский режиссер, составивший нам компанию, с долей иронии предвкушал грандиозное зрелище: сейчас, мол, все водой зальет, все начнет тонуть и взрываться. Но — ничего подобного. Оказалось, что эту знакомую до мельчайших подробностей историю можно полоть и в совершенно

– атмосфера, страстная и эмоциональная, по-американски наивная и сентиментальная, но цепко держащая зрительское внимание.

Однако что поразило с первых же минут представления, так это сценография. Нет, здесь не задавались целью реконструировать на небольшой сцене "чудо техники" начала XX века. Но мы действительно увидели весь "Титаник". Черная "заставка", отделяющая сцену от зала, ежеминутно открывала тот или иной фрагмент: палуба, радиорубка, салоны первого, второго и третьего классов, капитанский мостик, машинный отсек. Трансформация была мгновенной и потому впечатляла, рождая ощущение непрерывности действия. А когда пе-

ред антрактом на пугающе мрачной ночной океанской глади закачался маленький одинокий кораблик, такой хрупкий и трогательный, комок подступил к горлу, и публика дружно потянулась за платками.

Постепенное погружение корабля в океанскую пучину воссоздано с такой выразительной простотой, но завораживает и ударяет по нервам не в меньшей степени, чем какой-нибудь мощный спецэффект. В полной тишине, на черной вертикали задника, где-то посередине между сценическим полом и потолком вдруг жутковато накре-

"1776" — мюзикл, написанный в 1969 году (музыка и стихи Ш.Эдвардса, литературная основа П.Стоуна.) Он, вероятно, не раз снимался с репертуара

торая на современный театральный взгляд отдает архаичной. Что, впрочем, не портит впечатления и не снижает зрительского успеха. Причина, на верное, прежде всего в теме спектакля, 1776 год — судьбоносная для США дата, год принятия Декларации независимости. А мюзикл, идущий на сцене "Гершвин-театра", воссоздает картину дебатов, которые разгорелись в конгрессе вокруг этого документа. Как справедливо сказано в программке: "Это не просто музыкальное представление, а, скорее, наглядный урок истории". Однако представьте себе среднего американца, который хоть и настроен патриотически, но при этом искушен в театральной моде. Неужто такой зритель пойдет в театр только ради урока, знакомого ему со школьной скамьи? Наверяд ли.

до больше. Но вся соль в том, каковы диалоги и кто в них участвует. Старину Бенджамина Франклина узнают на сцене даже иностранцы. Спасибо самой ходовой в мире валюте, на банкноте достоинством в 100 долларов можно узреть портрет этого видного общественного деятеля. Он — точь-в-точь артист Пэт Хингл в портретном гриме. Говорят, «похож» и Джон Адамс (Брент Сплинер) — сенатор от штата Массачусетс, «совесть нации», взявший на себя адский труд расшевелить неосознательных конгрессменов на принятие важнейшего документа. Следить за оживленной реакцией публики на появление очередной живой исторической персоны было чрезвычайно интересно. Но мелькнула предательская мысль — американец в русском театре едва ли узнает в лицо Петра I, а тем более Александра Меншикова. Да и рубль никак не хочет конвертироваться, к тому же самого известного исторического «профиля» России на нем уже нет.

темперамента, и сенатор от штата Южная Каролина отменно поет спиритчуэлз про позорное угнетение чернокожих. Но лучше всего удастся комедия. Россиянам, которые все еще не привыкнули к мысли, что из любого парламента можно составить великолепную труппу комедиантов, бродвейский "урок истории" может быть особенно полезным. Но американцы с их солидным демократическим стажем радуются не меньше. Государственные деятели — тоже люди. Сцена являет нам засыпающих на полуслове стариков и дремучих "мове-тонов", откровенных лентяев и отчаянных трусов. Вот молодому конгрессмену поручают составить текст декларации. Но дело не ладится, убегает молодая жена, и пара сливается в бесконечно долгим поцелуй. Разнять влюбленных не под силу не только Франклину с Адамсом, но даже президенту Джорджу Вашингтону с его ежедневными письменными призывами к неповоротливому конгрессу. В финале — апофеоз патристического романтизма.

Голосование идет у нас на глазах, на огромных деревянных счетах подсчитываются голоса. И тут происходит конфуз с представителем штата Нью-Йорк. Когда дело доходит до него, он трусливо прячется за чью-то спину и произносит: "Меня здесь нет". Нью-йоркский зал стонет от хохота. Но затем выступает мощная партия кода. Действующие лица вызываются поименно, и каждый торжественно ставит

Бродвейская театральная система, в которой "презренный" коммерческий интерес необъяснимым для нас образом замкнут на высокое качество театральной продукции, — несомненно, предмет для размышлений. Нашему театру в эпоху первоначального накопления не стоит высокомерно отворачиваться от чужого опыта. Как, впрочем, и безоглядно ему следовать, уверено называя свои коммерческие опусы явлениями западного толка. Наша театральная коммерция односторонна и работает, увы, в противоположную от качества сторону. На Бродвее вырастают мастера и в определенный для себя момент уходят в высокое некоммерческое искусство. Наши мастера, напротив, вырастают в небогатых стационарах, а в коммерческих проектах существуют по закону падающего бутерброда, смазывая нажитое годами мастерство. Продюсеры делают "кассу" исключительно на эксплуатации имен, категорично качества оскамливая за скобками.

Не претендуя на сколько-нибудь серьезный анализ ситуации и обставив его спекуляциями, позволим себе лишь назвать бродяжий феномен "эффе́ктом пиджака". Фирма из года в год шьет хорошие пиджаки и делает на этом солидную коммерцию. Владелец озабочен прибылями, а в результате этой озабоченности население ходит в лаццо кровавой ссуде. Искуство, конечно, не пиджак. Но задуматься стоит.

Ирина АЛПАТОВА,
Наталия КАМИНСКАЯ
Нью-Йорк — Москва

